

УДК 1 (091)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ М.М. БАХТИНА

Ю.А. Якушева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены некоторые положения концепции диалогизма М.М. Бахтина, содержащиеся в его работе «Слово в романе». Выделены некоторые особенности диалогичности, обнаруженные М.М. Бахтиным. Показана специфика гуманитарного знания, выявленная философом.

***Ключевые слова:** диалог, гуманитарные науки, гуманитарное знание, текст, неокантианство, экзистенциализм, герменевтика, текст, анализ текста.*

Тенденции развития общества как в западных странах, так и в России породили в последние два десятилетия большой интерес к проблеме диалога. Процесс глобализации, все более уменьшающееся расстояние между странами благодаря техническому прогрессу, экологические проблемы, требующие координации усилий многих стран, приводят к необходимости налаживать взаимодействие между государствами и людьми, порой координально отличающимися друг от друга. Особую значимость в этой связи приобретают гуманитарные науки, нацеленные прежде всего на человека и исследование его специфики и изучение концепций диалога, существующих на данный момент.

Одним из ярких мыслителей, предложивших свой взгляд на гуманитарное знание, диалог и их взаимосвязь, явился М.М. Бахтин, отталкивающийся от различения наук о духе и наук о природе. «Бахтин начинает с различения наук о духе (“идеологии”) и наук о природе, имевшего к тому времени почтенную традицию, актуализированную трудами В. Дильтея... Затем определяется место эстетики и литературоведения в системе наук о духе» [4, с. 17].

Диалогизм у М.М. Бахтина является основной чертой гуманитарных наук. При этом, как отмечает В.Л. Махлин, «диалогизм» – отнюдь не бахтинское новоизобретение; это – определенная традиция западных современников Бахтина, так называемых «Philosophen des Miteinander» («философов общения») 1920-х гг. и позднее (в первую очередь в Германии, но не только в ней). Точнее, речь идет о некотором общем направлении мысли, если угодно — программе, которую задним числом Мартин Бубер назвал «диалогическим принципом», а Франц Розенцвейг — «новым мышлением» [6, с. 70]. М.М. Бахтин, как утверждает исследователь, довел до логического конца концепцию диалогизма, существовавшую на Западе: «Бахтин радикализовал основной принцип западного диалогизма: “Я мыслю, следовательно, я говорю” (по формуле Франца Розенцвейга). Бахтин “перевел” свою программу с языка философии на “языки” гуманитарных наук, создав новую научную дисциплину – металингвистику» [6, с. 73]. Уникальность, своеобразие концепции диалогизма М.М. Бахтина состоит, по мнению В.Л. Махлина, в том, что диалогический принцип у него является научно-теоретической методологией гуманитарных наук нового типа, радикально обозначены границы и намечены способы

«раздвижения» границ через более глубокое понимание настоящих взаимоотношений эпохи с предшествующем ей временем [6, с. 75].

Позиция М.М. Бахтина сходна с позицией экзистенциалистов, которые значительное внимание уделили проблеме Другого. У них Другой предстает как человек, на которого нацелен поступок. Поступок, по мысли экзистенциалистов, – следствие личной активности человека. Таким образом, они сделали акцент не на отношении субъект – объект, на отношении субъект – субъект, которые являются равноправными. У М.М. Бахтина эти положения сочетаются с феноменологией и неокантианской философией.

Отметим, что основания для появления категории «Другой» есть еще в трудах христианского философа Августина Блаженного. У него отдельное сознание человека направлено к Богу, без Бога душа не может завершиться, обрести спасение, блаженство, полноту. Ты как необходимое условие понятия Другого – характерная черта философии Л. Фейербаха. Интерсубъективность Э. Гуссерля и симпатия М. Шелера тоже подразумевают обращенность на Другого.

Возможность диалога базируется на том, что участники его обладают ценностями. Отношения на почве ценностей, соотнесенность ценностей, невозможность или возможность понимания ценностей другого участника диалога определяют эффективность диалога. М.М. Бахтин опирался во многом на теорию ценностей, представленную в философии Г. Риккерта, из которой М.М. Бахтин многое перенял и переосмыслил. И Г. Риккерт, и М.М. Бахтина важны культура, ее исследование. Однако у Г. Риккерта мир культурных ценностей больше похож на объективный платоновский мир идей; если попытаться установить, есть ли в нем личностное начало, то в качестве токового можно назвать трансцендентальный субъект (олицетворение всего человечества), «меня» как такового же в нем нет. Этим положениям Г. Риккерта М.М. Бахтин противопоставляет идею о являющемся ценностью культуры «ответственном поступке», который имеет своего «автора» – «меня». Иными словами, не соглашаясь с Г. Риккертом по поводу свойств культурных ценностей, М.М. Бахтин вводит в свою философию экзистенциальное «я» (возникает половина диалога). Н.К. Боневская пишет: «И вместе с вхождением “я” рождается представление о бытии в культуре, характеризующемся актуальной динамичностью. Бытийственным достоинством у Бахтина обладает не готовая “ценность”: “бытием” оказывается сам акт личности, мое деяние, порождающее ценность. Происходит – при переходе от культурологии Риккерта к культурологии Бахтина – революционный скачок: возникает понятие динамического “бытия–события” в культуре. Динамизация бытия, помимо утверждения в нем “я”, – еще один бахтинский шаг в направлении “диалога”, природа которого, очевидно, динамична» [3, с. 28–29].

Не избежал М.М. Бахтин влияния и теорий интуиции А. Бергсона, неповторимости поступка М. Бубера. Концепция М.М. Бахтина и, в частности, его трактовка диалогичности сформировалась также на фоне полемики с философией жизни, которую рассмотрели Н.К. Боневская [3, с. 5] и Т.В. Щитцова [7, с. 36–42].

М.М. Бахтин «показывает несостоятельность двух типичных подходов к познанию личности. Один из них предполагает, что душу другого человека можно понять путем «вчувствования», «вживания» в него. Этот путь, характерный для «философии жизни», ведет познающего к «слиянию» с переживаниями другого, но при этом познающее “я” должно забыть, потерять себя,

“утонуть” в другом. В результате, “я” утрачиваю позицию вменяемости и способность видеть другого в целом» [5, с. 21].

В работе «Слово в романе» М.М. Бахтин показывает, что текст диалогичен, так как диалогично само слово. Слово существует не изолированно, оно приходит в текст из социума, поэтому оно всегда социально и ценностно окрашено: «Каждое высказывание причастно “единому языку” (центростремительным силам и тенденциям) и одновременно социальному и историческому разноречию (центробежным, расслояющим силам)» [2, с. 85].

Воплощением «чистого» текста, т. е. лишённого социальной окраски, является поэтический текст: «В то время как основные разновидности поэтических жанров развиваются в русле объединяющих и централизующих, центростремительных сил словесно-идеологической жизни, роман и тяготеющие к нему художественно-прозаические жанры исторически слагались в русле децентрализующих, центробежных сил» [2, с. 85]. Это не значит, что поэзия лишена ценностной и идеологической направленности. Поэтический текст отражает стремление, с одной стороны, к «унификации» и «всеобщности», а с другой – к максимальной передаче одной точки зрения: «В то время как поэзия в официальных социально-идеологических верхах решала задачу культурной, национальной, политической централизации словесно-идеологического мира, – в низах, на балаганных и ярмарочных подмостках звучало шутовское разноречие, передразнивание всех «языков» и диалектов, развивалась литература фавль и шванков, уличных песен, поговорок, анекдотов, где не было никакого языкового центра, где велась живая игра «языками» поэтов, ученых, монахов, рыцарей и др., где все «языки» были масками и не было подлинного и бесспорного языкового лица» [2, с. 85]. Иными словами, поэтический текст, на первый взгляд, монологичный, тоже находится в диалогических отношениях: «Разноречие, организованное в этих низких жанрах, являлось не просто разноречием в отношении к признанному литературному языку (во всех его жанровых разновидностях), т. е. в отношении к языковому центру словесно-идеологической жизни нации и эпохи, но было осознанным противопоставлением ему. Оно было пародийно и полемически заострено против официальных языков современности. Оно было диалогизованным разноречием» [2, с. 85–86].

М.М. Бахтин упрекает ряд отраслей гуманитарной науки в пренебрежении к изучению диалогической природы слова (слово как незамкнутая, ценностно и социально окрашенная единица, обеспечивающая взаимодействие и развитие гуманитарных наук и способствующая накоплению гуманитарного знания): «Философия языка, лингвистика и стилистика, рожденные и формирующиеся в русле централизующих тенденций языковой жизни, игнорировали это диалогизованное разноречие, воплощавшее центробежные силы языковой жизни. Поэтому им и не могла быть доступна языковая диалогичность, обусловленная борьбой социально-языковых точек зрения, а не внутриязыковой борьбой индивидуальных воле или логическими противоречиями. Впрочем, даже внутриязыковой диалог (драматический, риторический, познавательный и бытовой) лингвистически и стилистически до последнего времени почти вовсе не изучался. Можно прямо сказать, что диалогический момент слова и все явления, с ним связанные, оставались до последнего времени вне кругозора лингвистики» [2, с. 87]. Не следует рассматривать литературное произведение (как в целом и любой текст гуманитарных наук) как нечто самодостаточное, «чистое»: «Литературное произведение мыслилось стилистикой как замкнутое и самодовлеющее целое, элементы которого составляют закрытую си-

стему, ничего не предполагающую вне себя, никаких других высказываний. Система произведения мыслилась по аналогии с системой языка, которая не может находиться в диалогическом взаимодействии с другими языками. Произведение в целом, каково бы оно ни было, с точки зрения стилистики – самодовлеющий и закрытый авторский монолог, предполагающий за своими пределами лишь пассивного слушателя. Если бы мы представили себе произведение как реплику некоторого диалога, стиль которой определяется взаимоотношением ее с другими репликами этого диалога (в целом беседы), – то с точки зрения традиционной стилистики нет адекватного подхода к такому диалогизованному стилю. Наиболее резко и внешне выраженные явления этого рода – полемический стиль, пародийный, иронический – обычно квалифицируются как риторические, а не поэтические явления. Стилистика замыкает каждое стилистическое явление в монологический контекст данного самодовлеющего и замкнутого высказывания, как бы заключает его в темницу одного контекста; оно не может переключаться с другими высказываниями, не может осуществлять свой стилистический смысл во взаимодействии с ними, оно должно исчерпывать себя в одном своем замкнутом контексте» [2, с. 87].

Диалогичность – непереносимое, непреходящее свойство любого слова: «Диалогическая ориентация слова – явление, свойственное, конечно, всякому слову. Это – естественная установка всякого живого слова. На всех своих путях к предмету, во всех направлениях слово встречается с чужим словом и не может не вступать с ним в живое напряженное взаимодействие» [2, с. 92]. Слово «привязано» к предмету и предмет также выступает частью диалога: «Слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете. Концептирование словом своего предмета – диалогично» [2, с. 93].

Гуманитарное знание строится не на анализе или синтезе, у него иной способ создания. Знание в гуманитарных науках базируется на понимании, которое не может быть пассивным: «В действительной речевой жизни всякое конкретное понимание активно: оно приобщает понимаемое своему предметно-экспрессивному кругозору и неразрывно слито с ответом, с мотивированным возражением-согласием» [2, с. 94]. Понимание возникает из ответа на вопрос. Накопление знание происходит по следующей схеме: человеком (субъектом) задается вопрос (ставится проблема), на этот вопрос дается (даются) ответ(ы), социально и ценностно окрашенные, которые, в свою очередь, порождают новые вопросы. О том, насколько хорошо, глубоко понят изучаемый предмет (проблема) свидетельствует ответ: «В известном смысле примат принадлежит именно ответу, как началу активному: он создает почву для понимания, активную и заинтересованную изготровку для него. Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно» [2, с. 94]. Смысл, таким образом, рождается из диалога, из череды вопросов и ответов на них: «Активное понимание, таким образом, приобщая понимаемое новому кругозору понимающего, устанавливает ряд сложных взаимоотношений, созвучий и разнозвучий с понимаемым, обогащает его новыми моментами» [2, с. 94].

Диалогично не только слово, сам процесс познания в гуманитарных науках диалогичен, так как «говорящий стремится ориентировать свое слово со своим определяющим его кругозором в чужом кругозоре понимающего и вступает в диалогические отношения с моментами этого кругозора. Говоря-

щий пробивается в чужой кругозор слушателя, строит свое высказывание на чужой территории, на его, слушателя, апперцептивном фоне» [2, с. 95].

Диалогичность слова может привести к тому, что важным становится уже не столько предмет, который исследуют, проблема, которую обсуждают, сколько само взаимодействие различных точек зрения на него (нее): «Этот новый вид внутренней диалогичности слова отличается от того, который определился встречею с чужим словом в самом предмете: здесь не предмет служит ареною встречи, а субъективный кругозор слушателя. Поэтому эта диалогичность носит более субъективно-психологический и – часто – случайный характер, иногда грубо приспособленческий, иногда же вызывающе полемический. Очень часто, особенно в риторических формах, эта установка на слушателя и связанная с ней внутренняя диалогичность слова может просто заслонить предмет: убеждение конкретного слушателя становится самодовлеющей задачей и отрывает слово от творческой работы над самим предметом» [2, с. 95–96].

М.М. Бахтин подчеркивает личностный характер языка, язык всегда персонифицирован. Кроме того, текст всегда вписан в определенный исторический контекст, существует не некий единый текст, но множество текстов, наполненных различными смыслами, которые «считываются», «воспринимаются» в диалоге: «Язык, как та живая конкретная среда, в которой живет сознание художника слова, никогда не бывает единым. Он един лишь как абстрактная грамматическая система нормативных форм, взятая в отвлечении от наполняющих ее конкретных идеологических осмысливаний и от непрерывного исторического становления живого языка. Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы языка внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному» [2, с. 108].

Диалог, по М.М. Бахтину, происходит не в некоем безвоздушном пространстве или на одном, общем для всех, универсальном языке, а в определенном историческом контексте, среди множества языков, систем ценностей: «Конкретное социально-идеологическое языковое сознание, становясь творчески активным, т. е. литературно-активным, преднаходит себя окруженным разноречием, а вовсе не единым и единственным, бесспорным и непререкаемым языком. Литературно-активное языковое сознание всегда и повсюду (во все доступные нам исторически эпохи литературы) находит «языки», а не язык. Оно оказывается перед необходимостью выбора языка. Каждым своим литературно-словесным выступлением оно активно ориентируется в разноречии, занимает в нем позицию, выбирает «язык» [2, с. 108].

В работе «Слово в романе» М.М. Бахтин утверждает, что позиция создателя текста по той или иной проблеме, теме определяет смысл текста, выбор языка текста: «Автор не в языке рассказчика и не в нормальном литературном языке, с которым соотнесен рассказ (хотя он может быть ближе к тому или к другому языку), – но он пользуется и тем и другим языком, чтобы не отдать своих интенций до конца ни одному из них; он пользуется этой переключкой, этим диалогом языков в каждом моменте своего произведения, чтобы самому остаться в языковом отношении как бы нейтральным, третьим в споре двух (хотя, может быть, и пристрастным третьим)» [2, с. 111].

Как мы увидели, диалогизм у М.М. Бахтина экзистенциально окрашен, имеет не гносеологический, а герменевтический характер. Диалог – это не только способ познания, но и механизм понимания. В центре концепции диалогизма у М.М. Бахтина находится не сам предметный мир, а человеческие взаимоотношения. «Диалог М.М. Бахтина... представлен как методология процесса познания, исследования природы и сущности человека, отношения культур и цивилизаций, как универсальная философия эпохи глобализации» [1, с. 153].

Список литературы

1. Абросимова Л.В. Историко-философский анализ концепций диалогизма XX века: М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, М.М. Бахтин: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Москва, 2008. 171 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Бонецкая Н.К. О стиле философствования М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 1. С. 5–48.
4. Бройтман С.Н. Наследие М.М. Бахтина и историческая поэтика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 4. С. 14–32.
5. Демидов А.Б. Основоположения философии коммуникации и диалога // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 5–35.
6. Махлин В.Л. Бахтин и западный диалогизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 68–76.
7. Щитцова Т.В. Диалогизирующий фон. К онтологии человеческого бытия // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 3. С. 36–42.

THE DIALOGICAL CHARACTER OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN M.M. BAKHTIN'S THOUGHT

Yu. A. Yakusheva

Tver State University, Tver

Basic ideas of M. M. Bakhtin's dialogism contained in his work «The Word in the Novel» are considered within the article's format. Within this context, the main features of Bakhtin's understanding a dialogue status in humanities are highlighted. The specificity of humanitarian knowledge revealed by him is examined.

Keywords: *dialogue, humanities, humanitarian knowledge, text, neo-Kantianism, existentialism, hermeneutics, text, text analysis.*

Об авторе:

ЯКУШЕВА Юлия Александровна – аспирант 3-го года обучения кафедры философии и истории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru

Author information:

YAKUSHOVA Julia Aleksandrovna – PhD student of the 3rd year of the Department of philosophy and history of culture of the Tver State University, Tver. E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru